

Разговор с автоответчиком

Бывший одесский неизданный писатель последнего советского десятилетия, а ныне нью-йоркский журналист и прозаик Вадим Ярмолинец писал в старейшей русскоязычной газете США – в "Новом русском слове" – по поводу одесской повести Ефима Ярошевского, написанной в 1970-е гг. и напечатанной впервые через двадцать пять лет в Нью-Йорке:

"В этом, по моему глубокому убеждению, и заключается вся суть знаменитой одесской литературной традиции. Не оцененный этим городом литератор посылает его ко всем чертям и перебирается в Москву, Нью-Йорк, Иерусалим, Берлин или Сидней. Там он начинает с долей мазохизма писать о Молдаванке и Пересыти, о "самом синем" Черном море и о пахнущих горячей землей помидорах с дачи на 10-й станции Большого Фонтана, после чего и становится известным одесским писателем".

Из статьи В. Ярмолинца "Арзуныя бросает спасательный круг".
– Новое русское слово. Нью-Йорк, 17 марта 1998.

Дорогой автоответчик, наш неведомый и безответный читатель! Вопрос, почему живущий в Одессе писатель обречен на отсутствие широкой литературной известности, и, соответственно, на недостаточное внимание в родном городе, а то и на полное пренебрежение к его литературной работе, задавался еще в 19 веке. Дело здесь не только в том, что нет пророка в своем отечестве, и не столько в хамстве местных культуртрегеров, сколько в устройстве Российской империи, а затем – Советского Союза, насаждавших в социальной и культурной жизни страны жесткую централизацию, закрепляющую структуры сословной, национальной и профессиональной иерархии. Что касается забвения нестоличных писателей в обозримом будущем, то в советское время огромная часть дореволюционной русской литературы была вычеркнута из истории отечественной культуры по причине своего несоответствия насаждаемой идеологии.

В этот ряд попали многочисленные одесские русско-еврейские литераторы 2-й половины 19 – начала 20 вв., исследование литературно-общественной деятельности которых составляет предмет моей диссертации, подготовленной в Еврейском университете в Иерусалиме и удостоенной в 2002 г. ученой степени "Доктор философии". Выступая на церемонии вручения дипломов "Доктор философии" и "Почетный доктор" Еврейского университета в Иерусалиме в июне 2002 г., всемирно известный культуролог, итальянский ученый и писатель Умберто Эко высказал пожелание, чтобы наши научные исследования не были лишь достоянием библиотечной полки, а получили бы широкое распространение и дополнили собой современную культурную жизнь. Следуя напутствию уважаемого мэ-

ра, я предлагаю тебе, дорогой автоответчик, эти заметки, популярно развивающие некоторые тезисы моей научной работы и открывающие малоизвестную страницу литературной Одессы, непосредственно связующую мой родной город у Черного моря с исторической родиной еврейского народа Израилем. Как отмечено в моей диссертации:

"Одесские русско-еврейские публицисты Л.С. Пинскер и М.Л. Лилиенблюм выдвинули идеи и заложили начало предшествовавшего сионизму движения "Хибат Цион" [иврит — "Любовь к Сиону"], ставящего задачу еврейского заселения Палестины и создания правоохранного национального очага на земле древних предков еврейского народа.

Моше Лилиенблюм в доказательство осуществимости палестинофильских устремлений приводит в пример Одессу — за одно столетие на пустынной территории, принадлежавшей ранее турецкой империи, вырос цветущий европейский город. Этот довод во многом объясняет тот факт, что именно Одесса стала центром палестинофильского движения, — у одесских приверженцев идеи еврейского заселения и колонизации Палестины перед глазами была модель Одессы и Новороссии, быстро развивающихся благодаря успешной колонизации, вложению существенных средств, местной и международной торговле — при участии еврейского населения города и края".

Из диссертации Б. Верниковой: "Русско-еврейские писатели Одессы 2-й половины XIX – начала XX века: к характеристике социокультурного феномена "Русско-еврейская литература".

Здесь следует пояснить, что термин "еврейская колонизация" — в значении "освоение евреями пустынных земель под земледельческие поселения" — употреблялся в русской политико-административной лексике со времени создания еврейских земледельческих поселений в Новороссии в первой половине 19 в., что фиксирует монография одесского историка еврейства Саула Борового "Еврейская земледельческая колонизация в старой России" (1928).

Забывший писатель 2-й половины 19 в. Лев Осипович Леванда в своей статье памяти старшего друга, жившего в Одессе и тоже забытого в советское время писателя Осипа Рабиновича, утверждал, что Осип Ааронович Рабинович (1817-1869) — русский писатель, внесший существенный вклад в отечественную литературу. Лев Леванда вынужден признать, что и в поздний период творчества Осипа Рабиновича, когда были написаны его лучшие произведения, русская литература игнорирует его и видит в нем чужака. Леванда находит объяснение этому явлению как в еврейском происхождении писателя, так и в том, что он жил в провинции, вдали от культурных центров русской интеллигенции.

Лев Леванда:

"Рабинович начал творить в то время, когда русскому еврею было да-

леко не до творчества, он начал писать по-русски в то время, когда его единоплеменники и читать не умели на этом языке, а его соотечественники и не подозревали, чтобы еврей мог мыслить и чувствовать по-человечески. Стало быть, он писал для публики, из которой одна не могла, а другая не намерена была его понимать. [...] На Рабиновиче оправдалась поговорка, что его заела среда. Мы глубоко убеждены, что, живи и действуй Рабинович в Петербурге или в Москве, т. е. в центре русской интеллигенции, он, по своему несомненному таланту, занял бы далеко не последнее место в ряду писателей, которыми гордится наше отечество".

Из статьи Л. Леванды "Несколько слов об О.А. Рабиновиче". —
День. Одесса, № 28, 21 ноября 1869.

При том, что Осип Рабинович не стремился жить в столице — Одесса была его нежной любовью, — у него и не было такой возможности. Именно его журналистская и редакторская работа в журнале "Рассвет", первом печатном органе русских евреев, выходящем в Одессе в 1860-61 гг., наряду с другими инициативами со стороны еврейских деятелей, способствовала принятию с началом царствования Александра II ряда законодательных мер, расширяющих гражданские права евреев России.

Поскольку российские правительственные круги связывали проблему еврейского равноправия с просвещением евреев в русском и европейском духе — еврейская образованность в расчет не принималась, а со стороны русской печати раздавались упреки в нежелании евреев приобщаться к европейскому образованию, Осип Рабинович, по своему обыкновению опираясь на пример Западной Европы, поднял на страницах "Рассвета" вопрос об отсутствии жизненных перспектив у молодых русских евреев, получивших университетское образование.

Осип Рабинович:

"В западных странах, где многие государственные задачи уже решены, право интеллектуальное давно занимает подобающее ему место на лестнице гражданственности; у нас оно пока еще в колыбели, говоря вообще, и только в своем зачатии, говоря об евреях. За исключением врачебного поприща, прочие университетские факультеты не представляют никакой будущности для молодого еврея. [...] Вот отчего встречается между еврейскими купцами и мещанами так много образованных людей, которые при других обстоятельствах перешли бы в сословие ученое, но которых способности гложут в денежных оборотах (если по счастью таковые для них возможны), а всего чаще — в нужде и мелочных заботах. [...] Затем, обращаясь к кругу действия

евреев-медиков, мы видим, что он не должен переступать за черту оседлости прочих евреев".

Из передовой статьи О. Рабиновича. —
Рассвет. Одесса, № 18, 23 сентября 1860.

Дорогой автоответчик, если ты еще помнишь, что такое "прописка", тебе нетрудно понять значение специфической русской идиомы "черта еврейской оседлости" — евреям Российской империи было разрешено проживание в семнадцати губерниях западной России и Новороссии, которые составляли эту "черту", протянувшуюся от Балтики через Латвию и Литву, Белоруссию и Украину к Черному морю. Петербург и Москва в нее не входили, а Одесса как раз располагалась в черте еврейской оседлости, что обусловило значительный прирост ее еврейского населения, в том числе, в первые десятилетия существования города за счет европейских евреев — выходцев из австрийской Галиции.

Через год после приведенной публикации Осипа Рабиновича Российский Государственный Совет принял указ от 27 ноября 1861 г. "О преимуществах евреев, получивших образование, а равно служащих при еврейских учебных заведениях", в котором сообщалось:

"Евреи, имеющие дипломы на ученые степени доктора медицины и хирургии, или доктора медицины, а равно дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата по другим факультетам Университета, допускаются в службу по всем ведомствам, без ограничения места пребывания их чертою, для постоянной оседлости евреев определенной; им разрешается также постоянное пребывание во всех губерниях и областях Империи, для занятия торговлей и промышленностью. Лица сии, во время пребывания вне мест, назначенных для постоянной оседлости евреев, могут иметь при себе, кроме членов своего семейства, домашних слуг из своих единоверцев, но не более двух..."

Из Сборника законов и положений, касающихся евреев. 1649-1873.
Санкт-Петербург, 1874.

Это постановление предоставляло евреям, закончившим университет, возможность получения государственной службы и права жительства вне черты оседлости, в том числе в столице Российской империи Петербурге, и открывало для русских евреев, вплоть до февральской революции 1917 г., один из немногих путей достижения гражданского равноправия. Следствием чего явилась тяга к высшему образованию в еврейской среде, смена профессиональной ориентации, переход части еврейского населения от ремесленных и торговых занятий к свободным профессиям и возникновение значительной социальной группы русско-еврейской интеллигенции.

Литературный обозреватель "Одесского вестника" 1880-х гг., забытый впол-

ледствии критик и историк литературы Сергей Иванович Сычевский в публикациях 1888-89 гг., посвященных выходу в свет трехтомного собрания сочинений О.А. Рабиновича, подчеркнув заслуги писателя в деле защиты российского еврейства, характеризует Осипа Рабиновича как талантливого беллетриста, внесшего заметный вклад в русскую литературу. Отметив, что Осип Рабинович недостаточно известен широкому читателю, С.И. Сычевский объясняет это "малым распространением в русской публике тех органов, где он писал, а отчасти и тем, что главными действующими лицами большинства его рассказов и романов были евреи", и добавляет, что интерес русских читателей к евреям пробудился не ранее 1870-х гг., "когда г. Богров начал печатать в "Отечественных записках" свои "Записки еврея".

Дорогой автоответчик, адекватно понять высказывание С.И. Сычевского об отношении русских читателей к литературным героям-евреям помогает рецензия за подписью "Ф.Х." в газете "Московские ведомости" 1860 г. на роман Осипа Рабиновича "Калейдоскоп", опубликованный в том же году в столичном журнале "Русское слово" и вскоре вышедший в Петербурге отдельным изданием. В газетной рецензии красочно представлена реакция российского читателя тех лет, столкнувшегося в современной литературе с героями-евреями:

"— Ах, Боже мой! Неужели вы это говорите о романе г. Рабиновича? — слышится нам голос какой-нибудь дамы, читающей романы, или кавалера приходящего в азарт от одного имени еврея. — Помилуйте, что за общество! что за личности вывел автор в своем романе! Какие-то шарманщики, кукольные комедианты, содержатели сельских трактиров, а героинею своего романа сделал девчонку, чуть не канатную плясунью, какую-то ломаку, да еще вдобавок все главные лица — жида да жидовки! Полноте, не смешите... Да это просто грязь, одна грязь, фи!... скверно даже подумать, только плюнешь да перекрестишься! Помилуйте, такую сволочь набрать для романа? Понимаете ли, для романа? Ведь роман в некотором роде поэзия, а поэзия, вам известно, чем должна отличаться? Поэзия должна отличаться изящностью; в ней все должно блистать, просто блистать красотою, поражать, так сказать, благородством, величием образов, дышать в некотором роде ароматом..."

Цитируется по изданию: Сочинения О.А. Рабиновича. Одесса, 1888, т. 3.

Зафиксированный в рецензии 1860 г. уровень читательских ожиданий широкой публики зримо воссоздает ту общественную атмосферу, в которой Осип Рабинович вошел в русскую литературу, вводя в нее обособленный мир русского еврейства и первым в России утверждая за евреем статус русского писателя.

Уже во 2-й половине 19 в. одесские авторы предпринимали попытки содейство-

вать децентрализации "умственной деятельности" в России. В вышедшем в 1859 г. "Новороссийском литературном сборнике", где напечатана статья Осипа Рабиновича "О собственных именах евреев", издатели сборника А.М. Богдановский и А.И. Георгиевский уделили существенное внимание вопросу развития региональной культуры:

"Предлагаемый сборник [...] должен доказать нам, возможно ли подобное литературное предприятие, т. е. будет ли оно иметь успех в Новороссийской читающей публике, на которую мы главным образом рассчитываем. Мы посвятили его имени человека [сборник посвящен Н.И. Пирогову], на которого с гордостью может смотреть вся Россия, и которого двухгодичная деятельность в звании Попечителя Одесского учебного округа обещала столько добра впереди нашему молодому, требующему еще большой разработки, краю. Одною из задушевных его мыслей было — вызвать в крае умственную деятельность, главным поприщем для которой служит литература. Весь преданный беспрестанной думе об общем благе, он ясно понимал, что доколе не будут исследованы и раскрыты, со всею откровенностью, все слабые и больные стороны общества, — невозможны, или по крайней мере, малоуспешны будут все реформы и улучшения; что каждая отдельная местность должна совершать это дело самосознания, главным образом, собственными силами и средствами, через посредство своей местной литературы; что централизация умственной деятельности есть явление ненормальное и вредное, ибо парализует жизнь отдельных частей организма, стягивая все силы к одному пункту.

Вот почему таким деятельным сочувствием встречал он все наши начинания, имевшие целью возбудить литературную деятельность в Новороссийском крае. [...] местный характер носит это первое наше издание только в том отношении, что составлено из статей местных авторов".

Из "Новороссийского литературного сборника". Одесса, 1859.

Попытка закрепить за Одессой прижизненный, а не посмертный статус крупного культурного центра была заведомо обречена на провал — никакие публикации не могли противостоять извечной централизации российской культурной жизни. Первый выпуск "Новороссийского литературного сборника" стал последним, а один из его составителей — Александр Иванович Георгиевский, выпускник Московского университета, адъюнкт Ришельевского лицея по кафедре всеобщей истории и статистики, редактор "Одесского вестника" 1858 г. и обозреватель иностранной еврейской журналистики в "Рассвете" О. Рабиновича, — вскоре переехал из Одессы в Петербург, где сделал успешную министерскую карьеру. Обязанность "вызывать умственную деятельность" в Новороссийском крае, как и во всей Российской империи, была возложена на центральные литературно-общественные

журналы, которые выходили в двух российских столицах — Петербурге и Москве, и, соответственно, собирали вокруг себя весь цвет русской литературы.

Одесский журнал "Юг" 1882 г. (вышло всего два номера) в обзоре "Печать в Новороссийском крае" обобщает и анализирует в региональном контексте историю местных периодических изданий. Автором этого очерка был редактор журнала "Юг" Владимир Алексеевич Яковлев, в последующие годы профессор истории русской литературы Новороссийского университета и директор Одесской публичной библиотеки, забытый в советское время, как и многие другие дореволюционные культурные деятели. Очерку-обзору В.А. Яковлева предпослан эпиграф из газет, ратующих за развитие региональной печати, полезной, как сказано в эпиграфе, в период децентрализации административного устройства России и для нужд населения, и для дел общегосударственных. В обзоре Яковлева упомянут одесский альманах "Литературные вечера" середины 19 в., в двух выпусках которого были напечатаны первые повести Осипа Рабиновича "История торгового дома Фирлич и К" и "Мориц Сефарди". В разделе очерка, посвященном выходившему в Одессе печатному органу русских евреев — журналу "Рассвет", Осип Рабинович характеризуется как "известный русский беллетрист еврейского быта".

Владимир Яковлев:

"В 1849 и 1850 гг. некто г. Фумели, местный беллетрист, издал две книжки сборника, под заглавием "Литературные вечера". Издание Н. Фумели, Одесса. Альманахи эти составлены исключительно из произведений местных литераторов (или же временно пребывавших в Новороссии), и исключительно беллетристического содержания. Из прозаиков следует отвести первое место повестям гг. Е. Колбасина и О. Рабиновича, а в стихотворной части Н.Ф. Щербине и Я.П. Полонскому. В остальном "Литературные вечера" не представляют ничего выдающегося ни в хорошем, ни в дурном смысле. Можно заметить лишь одно, что беллетристы, печатавшиеся в этом сборнике, по-видимому, старались в своих произведениях изображать как можно вернее обыденную жизнь, т. е. принадлежали к нарождавшейся тогда натуральной школе. [...] в "Отечественных Записках" [был напечатан] довольно подробный и весьма лестный для составителя отзыв о "Литературных вечерах" г. Фумели (первой части). Сказав несколько слов о справедливом предубеждении, с которым встречаются в публике провинциальные издания, [критик] продолжает: "разверните "Литературные вечера" — вы с удовольствием узнаете, что очень ошиблись, и должны разочароваться самым приятным образом. Вы узнаете, что Одесса — просто маленький Петербург, по крайней мере, в умственном развитии; что общество одесское хотя и имеет свой местный

колорит, живет, однако ж, удовлетворяя тем же потребностям образованной жизни, как и петербургское; что, наконец, во многих отношениях природа и другие условия жизни оказывают на нее гораздо выгоднейшее влияние, нежели серое петербургское небо, так подробно описанное петербургскими писателями в течение многих и многих лет. Более всего пораждает вас то, что "Литературные вечера" так ярко отражают местную жизнь, и вполне принадлежат Одессе, изображая ее нравы, обычаи, общество, жизнь этого общества и оригинальный состав его". Разобрав затем каждую статью сборника в отдельности, критик заключает свою рецензию словами: "В заключение нельзя не поблагодарить составителя сборника за его прекрасные "Литературные вечера", в которых, как в рассказе умного туриста, мы познакомились с любопытными явлениями одесской жизни и одесского народонаселения".

Из обзора В. Яковлева "Печать в Новороссийском крае". Юг. Одесса, 1882, № 1.

Дорогой автоответчик, наш предполагаемый читатель, которому писатели всех времен и народов оставили свои сообщения! Вспомним имена забытых авторов, живших в Одессе в середине 19 в. и отмеченных в отзыве одесского историка литературы В. Яковлева: Елисей Колбасин, сведения о котором имеются в дореволюционных русских энциклопедиях и в некоторых советских изданиях, и Николай Фумели, в этих источниках не упоминающийся. Имя Осипа Рабиновича, представленного в русских и еврейских энциклопедических изданиях начала 20 в., исчезает из культурного обихода в Советском Союзе в силу вступившего в действие в 1930-е годы негласного запрета на еврейскую тематику в литературе и науке. Исследователь литературы русского еврейства Шимон Маркиш с горечью говорит о незаслуженном забвении Осипа Рабиновича историками русской литературы.

Шимон Маркиш:

"Его не вспомнили ни Овсяннико-Куликовский, ни Благой, ни Алексеев с Бельчиковым и Десницким, ни "Русская повесть XIX века", ни "История русского романа", ни первое (довоенное), ни второе (послесталинское) издание "Литературной энциклопедии".

Из очерка Ш. Маркиша "Осип Рабинович".

Вестник Еврейского университета в Москве. 1994, № 1, 2.

В изданном в Москве двухтомном биографическом словаре "Русские писатели" 1990 г. также нет статьи об Осипе Рабиновиче, зато он упоминается в статье о поэте Николае Щербине как одесский писатель.

Дорогой автоответчик, в дореволюционные и ранние советские годы литерату-

ра русского еврейства на русском языке имела имя собственное — "Русско-еврейская литература". Первая развернутая энциклопедическая статья "Русско-еврейская литература", представившая хронологические, жанровые, тематические и идейные характеристики этой ветви литературы и ее ведущих авторов, была напечатана в 1903 г. в общерусском энциклопедическом издании — в 16-м томе издававшейся на рубеже веков "Большой Энциклопедии", где отмечено, что "Русско-еврейская литература (в узком смысле слова) включает произведения на русском языке, принадлежащие перу евреев и посвященные еврейской жизни". Далее представлен очерк русско-еврейской литературы с указанием имен авторов ее основных разделов — публицистики по еврейскому вопросу, беллетристики (проза и поэзия), еврейской науки (иудаика и еврейская история), начиная с первого публицистического произведения 1803 г. — "Вопль дочери Иудейской" Лейба Неваховича, продолжая характеристикой литературной работы Осипа Рабиновича, "положившего начало русско-еврейской беллетристике и журналистике", Льва Леванды, Михаила Моргулиса, Григория Богрова; научных исследований Д.А. Хвольсона и А.Я. Гаркави; брошюры Льва Семеновича Пинскера "Автоэмансипация"; творчества беллетристов 1880-х гг. — среди них подробно характеризуется проза Бен-Ами (Марк Яковлевич Рабинович); публицистики и ранних исторических разработок Семена Марковича Дубнова; отмечен вклад в русско-еврейскую литературу переводчика Талмуда на русский язык Н. Переферковича и др. Из названных и неназванных здесь авторов русско-еврейской литературы многие жили в Одессе и способствовали, как картинно выразился еврейский деятель начала 20 в., превращению ее в духовную столицу русского еврейства.

Д-р Д.С. Пасманик:

"В Бен-Ами прежде всего поражает нас его трагизм как общественно-го деятеля. Он не успел создать школы, как успели это сделать его друзья, Ахад-Гаам и Дубнов, совместно с которыми он превратил в свое время Одессу в духовную столицу русского еврейства".

Из выступления на праздновании 30-летнего юбилея литературной работы Бен-Ами в "Еврейском научно-литературном обществе" в Петербурге. — Рассвет. Санкт-Петербург, 1912, № 12-13.

Кодификаторы русско-еврейской литературы как ветви еврейской литературы на русском языке — М. Моргулис, Г. Лифшиц, С. Дубнов и др. включили в круг ее авторов редакторов и корреспондентов первых органов русских евреев — выходивших в Одессе журналов "Рассвет" (1860-61), "Сион" (1861-62) и газеты "День" (1869-71), начиная с Осипа Рабиновича, получившего статус "пионер русско-еврейской литературы". Принадлежащий как еврейской, так и русской культуре, Осип Рабинович остается русским писателем, читать которого интересно и сегодня. Дорогой автоответчик, предлагаю тебе пролистать по-

весть Осипа Рабиновича 1865 г. "История о том, как реб Хаим-Шулим Фейгис путешествовал из Кишинева в Одессу, и что с ним случилось" с тем, чтобы позже найти ее в библиотеке — к счастью, она была в свое время издана — и получить ту порцию удовольствия, которое доставляет подлинно одесская литература.

Осип Рабинович:

Реб Хаим-Шулим, начинавший уже немного привыкать к приятностям своего путешествия, вздумал плотно пообедать и, к радости своей, узнал, что есть жареная баранина.

— А нельзя ли прежде десяток яиц всмятку? — спросил он хозяина.

— Очень можно, — ответил хозяин.

— А нет ли у вас... голландских сельдей? [...]

— Как не быть! Есть, — отвечал хозяин, — сам привез недавно бочонок из Тирасполя.

— Так уж, пожалуйста, и пару селедок, — с достоинством сказал реб Хаим-Шулим. — Только, знаете, с луком, с маслом, с уксусом, со всеми приправами, — прибавил он, щелкнув пальцами.

Прежде всего он велел взять себя на бульвар. Доехав до монумента, реб Хаим-Шулим, не слезая с бриченки, внимательно его осмотрел. "Да, дюк действительно стоит", — сказал он про себя тихо, слез и стал на бульварной лестнице. Вперив глаза в гавань, усеянную мачтами, он опять произнес шепотом: "Да, корабли настоящие". Он велел себя возвести на Пересыпь, где, слезши с бриченки и подошедши осторожно к морю, он оглянулся кругом беспокойным взором, погрузил указательный палец в море и потом поднес его к языку. "Да, вода горькая", — сказал он самому себе. Оттуда поехал он на Новый Базар, пошлялся между фурами и опять сказал себе: "да, действительно всякого хлеба тьма-тьмуца". Оттуда поехал он на Старый Базар, воздал должную дань толчку, купив поношенную зеленую шаль, в последний раз прошептал: "Да, торговля знатная", и приказал ехать на квартиру, совершенно успокоенный насчет нахождения в вожаделенной исправности всех достопримечательностей города.

"Э, Кишинева, Кишинева! — думал реб Хаим-Шулим. — Ты, брат, можешь в печку спрятаться".

Через несколько минут явился портер и закуска. Маркус Владимирович, который по части портера был тоже не промах, истреблял стакан за стаканом, в чем реб Хаим-Шулим не думал отставать от него. Они поря-

дочно нарезались. Обниманьям и нежностям не было конца. [...] у Маркуса Владимировича, что говорится, с языка жемчуг катился, в похвалу приезшему гостю, который с таким тактом умеет ценить людей с истинными заслугами. При расставании, оба условились, чтоб реб Хаим-Шулим пришел выпить чаю и провести вечер у своего нового друга.

Из повести О. Рабиновича "История о том, как реб Хаим-Шулим Фейгис путешествовал из Кишинева в Одессу, и что с ним случилось".
Иерусалимское издание 1985 г.

Дорогой автоответчик, красочное описание застолья занимает существенное место в одесской литературе, что отметил в своей книге "100 вопросов "за Одессу" наш с вами современник Олег Губарь, мой приятель и некогда коллега по редакции газеты Одесского университета.

Олег Губарь:

[...] повезло одесским рестораторам: их образы запечатлены во множестве самых выдающихся литературных произведений. Вспомним, например, Цезаря Отона, подававшего шампанское и шабли, а также средиземноморских устриц самому Пушкину, или, скажем, кондитера Пфейфера, уверявшего, что и он потчевал незабвенного Александра Сергеевича. Вспомним о кофейне Стефана в начале Ришельевской улицы — здесь бывал знаменитый польский романист Юзеф Крашевский, кафе-кондитерскую Замбрини, где, говорят, проводила время полубогиня Оммер де Гель — "любовница" Лермонтова...

В числе выдающихся одесских предпринимателей-гастрономов — Карута, Коста, Донати, Алексеев, Робина, Печеский и многие-многие другие. Мы же поговорим немного о "предприятии общественного питания", судьба которого сложилась красиво и удачно в силу преемственности добрых традиций, деятельности целой цепочки добросовестных деловых людей, знавших толк в гастрономическом искусстве.

*...Я повела бы Вас в Отраду,
меня ведь тоже гонит ветер
на улицы.
Свернем направо,
здесь жил когда-то некто Скведеръ
Ф.Я. — поляк, еврей иль немец,
он трехэтажный дом отгрохал
с причудами...*

Этот самый Скведер Ф.Я., упомянутый одесской поэтессой Беллой

Верниковой, — одно из главных действующих лиц нашего разговора. Правда, он не поляк, не еврей и даже не немец, а — швейцарец. Звали его Флориан Яковлевич, в год его рождения (1854) Одессу безуспешно атаковал объединенный англо-французский флот. Окончив реальное училище в Самодене, юный Флориан, едва ли и подозревавший тогда о существовании города Одессы, посвятил себя изучению всех премудростей кондитерского дела: пять лет трудился в одной из старейших берлинских кондитерских, а затем еще два года совершенствовал свое мастерство в Италии. Здесь он, очевидно, и прослышал о сказочной Южной Пальмире. Посчитав себя вполне готовым к самостоятельной работе, он прибыл в Одессу (1877), где занял пост управляющего в кондитерской своего соотечественника Я.Д. Фанкони.

Заведение Якова Доминиковича Фанкони, основанное пятью годами ранее, далеко еще не первенствовало среди подобного рода торговых точек. Однако уже тогда неуклонно укреплялся фундамент его высочайшей репутации. Во многом это объясняется тем, что приехавший в Одессу 33-летний Яков Фанкони имел уже 16-летний стаж работы в одной из крупнейших и авторитетнейших кондитерских Варшавы [...]. В Одессе пришлось иметь дело с конкурентами, наделенными немалым опытом, кулинарным искусством, деловой хваткой, изобретательностью. В их числе был и всегдашний сосед Фанкони — небезызвестный Робина [...]. Ф.Я. Скведер сумел поставить дело так, что в 1890 году полностью выкупил пай, принадлежавший [семье Фанкони]. [...]

Благодаря рачительности хозяина, удачно выбранному месту, постоянным нововведениям по заграничному фасону, "Кафе Фанкони" (уже имя собственное!) становилось излюбленным местом времяпрепровождения одесских предпринимателей, своеобразным клубом, "тусовкой" деловых людей. [...] Началась эпоха наивысшего расцвета заведения, в которую здесь перебивали многочисленные знаменитости, включая Бунина, Куприна, Чехова, Гумилева и др.

Из книги О. Губаря "100 вопросов "за Одессу". Одесса, 1994.

То, что Олег Губарь в своей книге о достоверно-мифическом прошлом Одессы связывает одесские рестораны с писательскими именами, совсем не удивительно. Во всем мире репутация кафе или ресторана резко возрастает, если в те еще годы в нем кушали впоследствии знаменитые литераторы и художники. В Москве реставрировали "Яр", который рекламируют посредством писательских желудков серебряного века. Дима Ярмолинец прислал мне свою фотографию из Мадрида, где он стоит у входа в ресторан,

вывеска которого гласит, в переводе с английского на русский язык: "Здесь никогда не ел Хемингуэй".

Олег Губарь так характеризует собственное "собрание пестрых глав": "Эта книга ..., основанная на достоверной информации, ... все же продолжение легенды о старой Одессе, о давних временах, когда, как принято говорить, и солнце светило ярче, и небо было голубее".

И писатели, которые стали через полвека-век классиками русской литературы, кушали обязательно в кафе Фанкони. Может, иногда и кушали, но очень редко — не по карману небогатым литераторам конца 19 — начала 20 века было это заведение. О чем имеется литературное свидетельство еще одного классика одесской литературы, в советское время из этой литературы полностью изъятого по причине своей приверженности сионизму.

Владимир Жаботинский:

Но это было первое анонимное письмо в моей карьере, и еще с угрозой: очень я был польщен, и решил показать документ коллеге Штроку. [...] Всегда был у Штрока взволнованный голос: он не просто "вел" у нас отдел полицейской хроники — он душевно переживал вместе с вором каждую кражу, с искалеченным каждое крушение на станции Раздельная, а уж полным праздником для него был удачный пожар или замысловатое убийство. [...] Ему не мешал цензор, у всех остальных "резавший" целые полосы, даже из передовиц о городском хозяйстве и полях орошения. У Штрока была одна только живая помеха: наш собственный коллега, редактировавший городскую хронику, человек положительный, уравновешенный и точный. Он у Штрока не посягал на содержание, но стиль его портил вандалически. У Штрока в рукописи женоубийство на Кузнечной изображалось так: "Тогда Агамемнон Попандопуло, почувствовав в груди муки Отелло, занес над головой сверкающий кухонный нож и с диким воплем бросился на беззащитную женщину. Что между несчастными произошло после того, покрыто мраком неизвестности". А в печать попадало: "владелец бакалейной лавки греческий подданный такой-то вчера зарезал свою жену Евлалию, 34-х лет, при помощи кухонного ножа; обстоятельства дела полицейским дознанием пока еще не выяснены". [...] у всей полиции Штрок числился своим человеком и бардом ее сыскных подвигов. Знали его и просто горожане, по летучей репутации, хотя печатался он, конечно, без подписи. Знали и "низы": бывало, что через три дня после выхода сенсационного номера приваливала в контору целая делегация с Пересыпи: — нам, будьте добрые, барышня, тую газету, где господин Штрок отписали за кражу на Собачьей площадке. [...]

— Штрок, — сказал я, подавая ему открытку [...], — скоро будет у вас в хронике покушение на убийство молодого фельетониста, подававшего надежды.

Он прочитал, покрутил открытку в руке и вдруг сказал мне:

— Идите сюда; я давно хотел с вами вот об этом поговорить.

Мы вышли в пустую комнату.

— Вы напрасно это затеяли, — начал он, — лучше было не трогать эту шулерскую компанию.

— Штрок! — отвечивал я, выпячивая грудь, — за кого вы меня принимаете? "Я тверда, не боюсь ни ножа, ни огня".

— Да никто вас не тронет, ерунда, дело не в этом. А просто — незачем задевать своих собственных друзей.

— Каких друзей? что вы плетете, коллега?

— Штрок не плетет, а знает. Давно вы не были у Фанкони?

— Вообще в таких шикарных местах не бываю.

— А вы возьмите аванс в конторе и сходите. Вечерком, часов в десять. Увидите всю эту компанию, за отдельным столом.

Из повести В. Жаботинского "Пятеро". Париж, 1936.

Описанные события относятся к 1901-1903 гг., когда Владимир Жаботинский под псевдонимом ALTALENA вел колонку фельетона "Вскользь" в "Одесских новостях". В повести Жаботинского "Пятеро" упомянуты два заведения общественного питания, посещавшиеся молодыми одесскими журналистами в первые годы 20 в. — таверна Брунса в доме Вагнера на Дерибасовской, где к пиву подавали божественное блюдо — сосиски с картофельным салатом, и кофейня Амбарзаки. Кроме сотрудника отдела полицейской хроники на страницах повести присутствует еще один журналист из этой популярной в городе газеты, не названный Жаботинским по имени, но узнаваемо им представленный — очередной забытый одесский писатель Лазарь Кармен, отец знаменитого советского кинорежиссера Романа Кармена.

Владимир Жаботинский:

Молодых журналистов я знал [...]. Один из них был тот самый бытописатель босяков и порта [...]. Милый он был человек, и даровитый; и босяков знал гораздо лучше, чем Горький, который, я подозреваю, никогда с ними по-настоящему и не жил, по крайней мере, не у нас на юге. Этот и в обиходе говорил на ихнем языке — Дульцинею сердца называл "бароха", свое пальто "клифт" (или что-то в этом роде), мои часики (у него не было) "бимбор", а займы просил так: нема "фисташек"? [...] Его все лю-

били, особенно из простонародья. Молдаванка и Пересыпь на его рассказах, по-видимому, впервые учились читать; в кофейне Амбарзаки раз пошла к нему молоденькая кельнерша, расплакалась и сказала: — Мусью, как вы щиро вчера написали за "Анютку-Боже-мой"...

Из повести В. Жаботинского "Пятеро".

Как одесская достопримечательность кафе Фанкони еще дважды упоминается в повести "Пятеро" — в описании Екатерининской улицы: "Потом Екатерининская: бестолковая улица, ни то и ни се; притязала на богатство, щеголяла высокими франтоватыми домами вчерашнего производства, и почему-то "сюдою" по вечерам вливался и на Дерибасовскую, и на близкий бульвар главный поток гуляющих; а чуть подальше, справа, шумные, как море у массивов, запруженные сидящими, окруженные ожидающими, темнели биржи-террасы кофейен Робина и Фанкони".

И в простонародной песне, восстановленной или написанной Владимиром Евгеньевичем Жаботинским в духе одесского украинного фольклора.

Владимир Жаботинский:

[...] та песня про "лаврика" столько вертелась у меня на пороге памяти, так просилась на бумагу после того, как я мимоходом ее помянул, что я не выдержал: ночь отсидел, и приблизительно восстановил. Зато теперь буду считать ее своим произведением: по-моему, лучший из всех моих поэтических плагиатов. Правда, иногороднему читателю нужен для нее целый словарь — кто из них, например, слышал про "альвичка", разносившего липкие сласти в круглой стеклянной коробке? Но, в конце концов, я эту повесть и вообще не для приезжих написал: не поймут, и не надо. Вот та песня:

*Коло Вальтуха больницы
Были наши двory.
В Нюты зонтиком ресницы,
Аж до рота й догоры.
Ей з массивов я в карманах
Миди жменями таскал,
Рвал бузок на трох Фонтанах,
В парке лавриков шукал.
Лаврик, лаврик, выставь рожки,
Я свару тебе картошки.
Откогда большая стала,*

*Що то начала крутить:
То одскоць на три квартала,
То хотить и не хотить.
Я хожу то злой, то радый,
Через Нюту мок и сох...
А вже раз под эстокадой
Мы куталися у-двох.
Лаврик, лаврик, выставь рожки,
Горько мышке в лапах кошки.
На горе стоить Одесса,
Под низом Андросов мол.
Задавается принцесса,
Бу я в грузчики пойшел.
Раз у год придет до Дюка,
Я вгощу от альвичка...
И — табань, прощай разлука:
Через рыжего шпачка.
Лаврик, лаврик, выставь рожки,
Хто куплял тебе сережки?
Год за годом, вира-майна,
Порт, обжорка, сам один...
Тольки раз шмалю нечаяно
Мимо Грецька в Карантин —
У Фанкони сидить Нюта,
На ей шляпка, при ей грек.
Вже не смотрить, вже как будто
Босява не человек.
Лаврик, лаврик, выставь рожки,
Разойшлись наши дорожки.*

Из повести В. Жаботинского "Пятеро".

Дорогой автоответчик, что тут непонятного? Что лаврик — это улитка, так мы в детстве пели "лаврик-лаврик, тра-та-та"; "мимо Грецька" — это мимо неофициальной торговой биржи, толпящейся у кафе Фанкони; остальные непривычные слова — украинизмы (бузок — это сирень) и одессизмы, достаточно ясные из общего контекста.

Чудесная, насквозь одесская и написанная в эмиграции "не для приезжих" повесть Владимира Жаботинского "Пятеро" физически отсутствовала в потребляемой советским автоответчиком литературе. Вышедшая в Париже в 1936 г., она никогда не издава-

лась в СССР, ее не было в общественных и личных библиотеках, не было ее и в самиздате, откуда к нам приходили запретные бестселлеры, в том числе "Лолита" и "Архипелаг Гулаг". Кафе Фанкони сохранилось в городской памяти благодаря одесскому фольклору, у которого были свои забытые авторы. В песне "На Дерibasовской открылась пивная", ходившей в списках в 1960-е гг., есть такой куплет:

*Тут подошел маркёр известный Мона,
о чей хребет сломали кий в кафе Фанкони,
побочный сын мадам Алешкер тети Песи,
известной бандерши в красавице-Одессе.*

Об авторах одесских песенок 20-х годов Якове Ядове и Мироне Ямпольском писал Паустовский во "Времени больших ожиданий". Составители песенного сборника 1992 г. "Пой, Одесса" упоминают фамилии трех забытых поэтов, чьи тексты пополнили городской фольклор, — Ядов, Жечужников и Петр Коробов. Вот куплет из песни Коробова, выдержанный в стилистике одесского застолья:

*Ой, на столе уже накрыто множество добра:
Гусь с гарниром, чай с бисквитом, пиво и икра.
Пили все необычайно, ели как один.
И даже вытили случайно с лампы керосин.*

Из сборника "Пой, Одесса!". Одесса, 1992.

Общепризнанная и легко узнаваемая одесская стилистика вырабатывалась с переменным успехом на протяжении без малого полутора веков, начиная с повести Осипа Рабиновича о путешествии реб Хаим-Шулима Фейгиса из Кишинева в Одессу.

Статья А. Изгоева "Молодые одесские беллетристы" в одесском сборнике "Южно-русский альманах" 1902 г. была не только очередной попыткой способствовать развитию региональной культуры с тем, чтобы духовная энергия страны не уходила в один центр, обедняясь при этом и оставляя в запустении провинцию. Эта статья ставила задачу создания оригинальной одесской литературы, содержательно и стилистически отличающейся от общего литературного потока. Вспомним имена забытых писателей, представленных в статье А. Изгоева "Молодые одесские беллетристы": Алексей Недолин (Благодарумов), Лазарь Кармен (Коренман); М.Е. Змиенко и Ант. С. Ловенгардт.

Автор статьи избежал забвения — Александр Соломонович Изгоев (Ланде) известен своим участием в знаменитом сборнике "Вехи", манифесте русской либеральной интеллигенции начала 20 в., изъятном из обращения в СССР, но широко ходившем в советском самиздате. Как литератор Александр Изгоев начинал в Одессе, где он жил с 1896 г. более десяти лет, окончил юридический факультет Новороссийского университета, заведовал редакцией одесской газеты "Южное обозрение".

Александр Изгоев:

Одесса не имеет своей оригинальной духовной физиономии. [...] Но особенно сильно сказывается отсутствие умственной жизни на положении одесского книжного рынка, дошедшего до крайних пределов падения. В книжных магазинах прочно установилось мнение, что книга, изданная в Одессе, рассчитывать на успех не может. Здешний рынок торгует преимущественно или изданиями, предназначенными для еврейской публики, или умопомрачительно-невежественными книжонками для народа, рассчитанными на дурной вкус и возбуждение скверных инстинктов. Мало-помалу и одесситы привыкли смотреть на книги, издающиеся в Одессе, как на товар третьестепенный, который без столичной марки в виде одобрения петербургских рецензентов идти не может.

Ярче всего одесское умственное оскудение отразилось на художественной литературе. Одесса не выдвинула ни одного крупного литературного художника, т. е., точнее говоря, не доставила ему материал для художественных образов в том смысле, в каком Поволжье дало материал Гончарову, центральная Россия — Тургеневу, Урал — Мамину, Украина — Гоголю, отчасти, Короленке, Сибирь — Короленке и т. д. А казалось бы, жизнь в Одессе кипит ключом. Материала, который так и просится под перо — сколько угодно. Чем же объясняется такое странное явление? Обычное банальное объяснение, что Одесса, мол, город пшеничный, что здесь кроме купли-продажи ни о чем не думают, а потому умственные интересы процвести не могут, кажется мне бессодержательным, непродуманным и лживым. И знаменитые Афины были одной сплошной ярмаркой, и средневековые итальянские республики были торговыми городами, однако искусство расцвело в них пышным цветом. [...]

Указанные беллетристы [А. Недолин, Л. Кармен, М. Змиенко, А. Ловенгардт] по своей неоднородности точно отражают амальгамированную смесь, известную под именем одесситов. Тут есть и люди, родившиеся в Одессе, и приехавшие из разных концов России. Среди названных писателей вы встретите и великоросса и малоросса, и обрусевших немца и еврея. Почти все они много странствовали и на родине и за границей, и вывели из своих путешествий массу впечатлений. Объединяет их в одну группу лишь то внешнее обстоятельство, что главная их литературная деятельность протекает в Одессе, с которой, таким образом, связан самый узел их существования. Немудрено поэтому, что на их произведениях все же отразились те общие впечатления, которые одесская жизнь поселяет в каждом вплотную подошедшем к ней человеке. [...]

Было бы слишком смело на основании изложенного материала делать какие-либо точные выводы не только о будущем, но даже о настоящем "одесской литературы". [...] Я, однако, действительно думаю, что централизация всей умственной и духовной жизни в Петербурге не последнее слово в русской истории, что мы не пойдем по стопам Франции, где Париж съел духовную энергию всей страны, а откроем широко двери областным местным началам. Тогда Одесса, этот крупнейший центр всего юга России, несомненно явится и его умственным и общественным центром, его, так сказать, запевалой. Впрочем, сознаюсь откровенно, все это только надежды, догадки, мечтания...

Из сборника "Южно-русский альманах"
(год седьмой, выходил с 1896 г.). Одесса, 1902.

Дорогой автоответчик! Как предсказал Александр Соломонович Изгоев, Одесса в обозримом времени дала таки двух крупных писателей: в предреволюционное десятилетие — Семена Юшкевича, в послереволюционное — Исаака Бабеля, предоставив им обильную и колоритную местную пищу. Варилась эта пища на еврейской кухне.

С Одессой последних десятилетий 19 — начала 20 вв. связано несколько имен "русских беллетристов еврейского быта" — писателей-евреев, работавших в русской художественной литературе на еврейском материале и печатавшихся как в общерусских, так и в русско-еврейских изданиях, — это забытые или полузабытые сегодня Николай Пружанский, Давид Айзман, Наум Осипович, Семен Юшкевич. Из них Семен Соломонович Юшкевич — наиболее яркий писатель, получивший в 1910-е годы громкую всероссийскую известность. Он родился и вырос в Одессе в своеобразной еврейской семье и тоже уехал из родного города — сначала в Париж, где закончил медицинский факультет университета, затем в начале 20 в. — в Петербург, а после революции снова в Париж, в эмиграцию.

Особые одесские вибрации в описании неистового еврейского застолья переполняют страницы романа Семена Юшкевича "Леон Дрей".

Семен Юшкевич:

На столе расставлены любимые закуски Леона: в белой большой, с щербинами, тарелке лежит редька, нарезанная толстыми кружочками и политая гусиным салом. Запах от этой тарелки острый, тяжелый, крепкий. В другой — рубленая печенка с луком и салом, в третьей — рубленая с яблоками и луком голландская селедка, в четвертой — рубленые яйца с луком, в пятой — студень говяжий, обильно поперченный, в шестой — горка хорошо испеченного, еще горячего хлеба. Между тарелками стоит графин с водкой и три бутылки пива.

— Что же это мамаша так возится? — с нетерпением спросил, наконец, Леон. — От этой редьки идет такой запах, что нет сил удержаться... Да, папаша, — через минуту сказал он, — все-таки я должен признать, что в конце концов, я больше всего люблю родную кухню. Конечно, хороша русская кухня, русские закуски, хороша всякая кухня, все эти семги, икры, балыки, шницели, дичь, филе на шкаре, ромштики, бефы строгановы и прочее, и прочее, но ничего не сравнится вот с этой редькой с гусиным салом, с этой рубленой селедочкой или с этим студнем. Кто не вкусил подобных вещей, тот ничего хорошего не знал в жизни и прожил как дурак. Мамаша, да скоро ли вы там? — крикнул он.

— Сейчас, сейчас, Леончик, — послышался ее глухой, но веселый голос, и через минуту, красная от жара, лоснящаяся, сияющая, в широкой белой кофте, дыша ароматами жареного лука и фаршированной рыбы, она появилась в комнате и успокоительно сказала:

— Останешься доволен, Леончик, своей мамашей; еще никогда рыба не удавалась мне, как сегодня. Настоящий крем, настоящий пух, а не рыба. И ничего удивительного, Леончик, — лукаво прибавила она, улыбаясь, — рыба знала, что ты полгода к нам не показывался, и потому постаралась для тебя. Дай еще раз посмотреть на тебя... Ну! настоящее солнце! [...]

— Что за рыба! — восхищался Леон. — Поучить бы этих идиотов поваров, как нужно рыбу готовить. Шуку по-жидовски они умеют делать? — иронически сказал он. — Не умеете, дураки, по-кацапски умеете, а не по-жидовски. Вот это по-жидовски, это настоящее. А уха? И сладковатая, и солоноватая, и перченая, и рыбой пахнет, и жареным луком, и морковкой — все сразу вместе. Ах, мамаша, у Ротшильда бы вам быть кухаркой. [...]

После бульона ели курицу с хреном, потом сладкое из бобов, риса, сахара и костного мозга и, наконец, компот из слив. Обед кончился. Леон приказал сварить кофе, и с оголенными по локоть руками, красивый, как женщина, оперся головой о кресло... Мамаша, вернувшись из кухни, тотчас заговорила о новом женихе Любочки, приказчике из галантерейного магазина. Приказчик соглашался жениться на Любочке, но требовал пятьсот рублей приданого.

Из романа С. Юшкевича "Леон Дрей". Цитируется по московскому изданию 1928 г.

Леон Дрей отдавал должное как еврейской, так и всякой другой кухне в варьете, ресторанах и на званных обедах в домах почтенных горожан, где он успел пристроиться в привычном для себя амплу "милого друга".

Семен Юшкевич:

"Начнем с этой чудесной для меня приготовленной семги, — подумал он, быстро охватывая взглядом все, что было на столе. — Скажите, и кефальная икра! Одобряю. Даже слюнки потекли. Налил бы уж этот мерзавец мне водки, не болтал бы..." [...] Обед прошел прекрасно. Блюда следовали за блюдами. В особенности его восхитили какие-то маленькие, очень вкусные птички с салатом. [...]

Он уселся за свободный столик, расстегнул пальто и с полным удовольствием стал пить, закусывать, сначала бутербродами с паюсной, а потом и со свежей икрой... Выпил рюмку водки. Затем потребовал королевскую селедку с зеленым луком [...] На сцену он уже не глядел... Весь погруженный в еду, он только сладко стонал... После селедки он потребовал осетрины с хреном, новую порцию хлеба, заказал антрекот с картофелем и, чувствуя, что хмелеет, перешел на пиво, бутылку которого выпил в одну минуту. Дальше он потребовал рокфора, на сладкое взял яичницу с вареньем, выпил вторую бутылку пива и, беспокоя окриками соседей, надевая лакею угрозами, приказал принести себе кофе с ликером.

Из романа С. Юшкевича "Леон Дрей".

Семен Юшкевич стал первым русским писателем, представившим на еврейском материале своеобразные начала одесской жизни, ее фарсы и трагедии. В повести Юшкевича 1903 г. "Евреи", изображающей жизнь бедных еврейских кварталов большого и богатого города (город не назван, но узнаваем — это Одесса), с постоянной нищетой, тяжелым, изматывающим трудом на табачной фабрике, мелкой изнурительной торговлей, угрозой безработицы и голода; где проституция воспринимается не только как способ заработка для голодной семьи, но и единственный выход из беспросветности жизни; где молодые евреи, еще не задавленные непосильным трудом, ищут спасения в проникающих в их мир идеях сионизма или революционной борьбы; — за всеми несчастьями еврейской жизни следует кровавое безумие еврейского погрома, еще одной страницы в многовековом мартирологе еврейского народа.

Еврейская жизнь Одессы в ее многообразных бытовых и лексических проявлениях определяет региональный характер прозы Юшкевича, о чем писал Андрей Левинсон в парижском сборнике памяти Семена Юшкевича.

Андрей Левинсон:

В ранних произведениях, как например в повести "Распад", начинающий писатель еще приневоливает себя к изложению общелитературному, книжная правильность которого дается ему с трудом. Но уже дает себя

знать [...] та лингвистическая оригинальность писаний Юшкевича, которая есть не прихоть, не индивидуальный стиль, а живая разновидность русской речи, типический "идиом" еврея, изъясняющегося по-русски, оставаясь евреем. Говор этот, служащий поныне для языкового общения целого поколения и класса русского еврейства, есть ни что иное, как преломление семитического темперамента и внутреннего уклада сквозь формы русского словаря.

Слова те же, но синтаксический порядок иной, ибо диктуемый иной логикой, иными импульсами; но изменен не только порядок. Самая артикуляция этих слов, тембр голоса, окрашивающий их звучность, а главное ударения на них, ряды акцентов, определяющих выражение, вибрацию, напев их, все это образует как бы новый язык [...] самое словоупотребление, смысл привычных выражений видоизменяется в том "иудео-славянском" наречии, которое так чутко подслушано было Юшкевичем со всеми его "обертонными" юмора и скорби. [...] реплики Менделеева Спивака или старика Гланка ("В городе") не менее красочны и достоверны, чем "идиш", на котором разглагольствуют словоохотливые книгоноши, молочники или сваты Шолом-Алейхема. Тот же ритм не письменной, а разговорной, изустной речи с ее отрывистыми переборами, тот же сказ, вместе козноязычный и красноречивый. [...]

Все это Юшкевич впервые перенес на драматическую сцену. Риск был тем больше, что до него эти ужимки и гортанные выкрики служили лишь для пародий на еврейские нравы; то, что было пошлой карикатурой эстрадных куплетистов, постылым зубоскальством заправских рассказчиков пресловутых еврейских анекдотов, внутренне у него осветилось, насытилось жалкой, трогательной, а иногда и поэтической человечностью.

Из очерка А. Левинсона "О некоторых чертах творчества С.С. Юшкевича" в сборнике "Семен Юшкевич. Посмертные произведения". Париж, 1927.

Преемственность одесской литературной традиции первых трех десятилетий 20 в. — от Юшкевича к Бабелю — отметил критик Абрам Лежнев в некрологе Семена Юшкевича в газете "Правда" 1927 г. Годом позже эта литературная эпитафия была перепечатана в изданном в Москве тремя томиками романе Юшкевича "Леон Дрей", образце последней продукции частного книгоиздательства в СССР в преддверии монополярной эры Госиздата.

Абрам Лежнев:

Умер в Париже Семен Юшкевич. Нынешнему читателю, особенно из

молодежи, это имя скажет не очень много. Юшкевич жил в последние годы за пределами СССР, как эмигрант, и оказался вычеркнутым, выброшенным из литературной жизни Советской страны. Только в самое последнее время намечилось если не возвращение, то приближение его к этой жизни. Вышел в Москве его роман "Эпизоды", действие которого происходит в эпоху гражданской войны.

А между тем, в дореволюционное время Юшкевич был одним из видных писателей, каждое произведение которого находило широкий отклик, возбуждало много внимания и споров. Юшкевич был изобразителем еврейской городской бедноты, мещанства, одесской улицы. Он ввел в литературу, задолго до Бабеля, своеобразный жаргон Одессы (критика упрекала его в порче русского языка). В его творчестве редко слышались яркие революционные ноты, но явственно пробивалась сатирическая струя. Характерную фигуру "милого друга", красавца и самодовольного пошляка Леона Дрея он превратил почти в символ преуспевающего и беззастенчивого мещанства, достигающего своих мелких целей любой ценой, осуществляющего величайшую заповедь буржуазной морали: "приобретай".

Из некролога С. Юшкевича, помещенного в московском издании романа "Леон Дрей". Москва, Книгоиздательство "Современные проблемы", 1928.

По видимости идеологически выдержанный текст А. Лежнева не приблизил Семена Юшкевича к советскому читателю — при всем сострадании писателя к беднякам и веселом презрении к богачам, он писал об евреях, что вскоре стало запретной темой для советского автоответчика. Семен Соломонович Юшкевич перешел в разряд забытых русских писателей, как и многие другие авторы, упомянутые в этих заметках в надежде привлечь к ним внимание современного читателя, все еще находящего интерес в книжном слове.

Одесса уже предприняла первые шаги по возвращению своего культурного наследия — в 2000 г. издательство "Друк" выпустило в свет роман Владимира Жаботинского "Пятеро" и сборник поэзии Хаима-Нахмана Бялика в русском переводе В. Жаботинского. Можно надеяться, что в Одессе в ближайшие годы будут изданы произведения первого значительного одесского писателя Осипа Рабиновича и следующих за ним беллетристов, публицистов, историков, способствовавших превращению Одессы "в духовную столицу русского еврейства".

Иерусалим

Старые стены

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры и риэлтерства Одессы. Спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", вот уже седьмой год весьма успешно работающее на отечественном рынке недвижимости. Сегодня наши собеседники — уже известные постоянным читателям альманаха руководящие работники АН "Капитал", Валентин Константинович Лобанов и Илона Семеновна Мачуженко. Проблематика разговора — физическое и моральное состояние исторического центра Одессы и связанный с этим запутанный клубок крайне серьезных вопросов.

И. М. : Как бы нам ни хотелось быть оптимистами, но приходится признать: горожане постепенно и все более явно теряют интерес к приобретению недвижимости в историческом центре. А ведь надо отдавать себе отчет в том, что даже самые блестящие новостройки никогда не заменят и не воспроизведут ни улицу Гоголя, ни Пушкинскую, ни Приморский бульвар. На этих кварталах, в этих дворах, парадных, под этими сводами разлито другое настроение, иная, как принято нынче говорить, ментальность.

О. Г. : Я вас прекрасно понимаю. Вероятно, Олеша, Катаев или Жаботинский выросли бы несколько иными в блочных и панельных корпусах...

